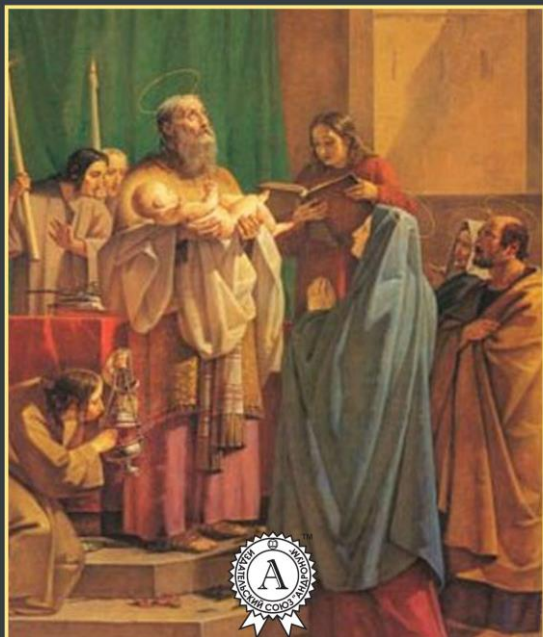

АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

МОЛИТВА И ЖИЗНЬ

Митрополит Антоний Сурожский является одним из самых известных и почитаемых православных философов и проповедников. Основную часть его духовного наследия составляют проповеди. Они написаны просто и искренне, но вместе с тем в них заложен глубокий смысл и мудрость.

Антоний Сурожский по праву считается голосом Православия XX века, одним из тех, кто сумел вернуть многих российских и западных христиан к Богу.

«Молитва и жизнь» включает проповеди и беседы Антония Сурожского на тему молитвы. Митрополит рассказывает о сущности молитвы, о том, как правильно возносить молитвы и почему многие из них остаются без ответа.

Митрополит Антоний Сурожский

МОЛИТВА И ЖИЗНЬ¹

Предисловие

Молитва означает для меня личные отношения. Я не был верующим, затем внезапно открыл Бога, и сразу же Он предстал передо мной как высшая ценность и весь смысл жизни, — но в то же время и как личность. Думаю, что молитва ничего не означает для того, для кого нет объекта молитвы. Вы не можете научить молитве человека, у которого нет чувства Живого Бога; вы можете научить его вести себя в точности так, как если бы он верил, но это не будет живым движением, каким является подлинная молитва. Поэтому в качестве введения к этим беседам о молитве я именно хотел бы передать свою убежденность в личной реальности такого Бога, с Которым могут быть установлены отношения. Затем я попрошу читателя относиться к Богу, как к живому лицу, к соседу, и выражать это свое знание в тех же категориях, в

¹ Living Prayer. London, 1966. Пер. с англ. Публикации: Журнал Московской Патриархии. 1968. №№ 3–7 (с сокр.); Рига, 1992.

каких он выражает свои отношения с братом или другом. Думаю, что это самое главное.

Одна из причин, почему молитва, общественная или частная, кажется столь мертвой или столь формальной, в том, что слишком часто отсутствует акт богопоклонения, совершающийся в сердце, которое общается с Богом. Каждое выражение, словесное или в действии, может быть помощью, но все это лишь выражение главного, а именно — глубокого безмолвия общения.

Из опыта человеческих взаимоотношений все мы знаем, что любовь и дружба глубоки тогда, когда мы можем молчать друг с другом. Если же для поддержания контакта нам необходимо говорить, мы с уверенностью и грустью должны признать, что взаимоотношения все еще остаются поверхностными; поэтому, если мы хотим молитвенно поклоняться Богу, то должны прежде всего научиться испытывать радость от молчаливого пребывания с Ним. Это легче, чем может показаться сначала; для этого нужно немного времени, немного доверия и решимость начать.

Однажды «Арский Кюре», французский святой начала девятнадцатого века, спросил старого крестьянина, что он делает, часами сидя в церкви, по-видимому даже и не молясь; крестьянин ответил: «Я гляжу на Него, Он глядит на меня, и

нам хорошо вместе». Этот человек научился говорить с Богом, не нарушая тишину близости словами. Если мы это умеем, то можем употреблять любую форму молитвы. Если же мы захотим, чтобы сама молитва состояла в словах, которые мы употребляем, то безнадежно устанем от них, потому что без глубины молчания эти слова будут поверхностны и скучны.

Но каким вдохновляющими могут быть слова, когда за ними стоит безмолвие, когда они наполнены духом правым:

Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою (Пс. 50: 17).

СУЩНОСТЬ МОЛИТВЫ

Евангелие от Матфея почти с самого начала ставит нас лицом к лицу с самой сущностью молитвы. Волхвы увидели долгожданную звезду; они немедленно пустились в путь, чтобы найти Царя; они пришли к яслям, пали на колени, поклонились и принесли дары; они выразили молитву в ее совершенстве, то есть в созерцании и трепетном поклонении.

В более или менее популярной литературе о молитве часто говорится, что молитва — это захватывающее путешествие. Нередко можно услышать: «Учитесь молиться! Молиться так

интересно, так увлекательно, это открытие нового мира, вы встретитесь с Богом, вы найдете путь к духовной жизни». В каком-то смысле это, разумеется, верно; но при этом забывается нечто гораздо более серьезное: что молитва — это путешествие опасное, и мы не можем пуститься в него без риска. Апостол Павел говорит, что *страшно впасть в руки Бога Живого* (Евр. 10: 31). Поэтому сознательно выйти на встречу с Живым Богом — значит отправиться в страшное путешествие: в каком-то смысле каждая встреча с Богом это Страшный суд. Когда бы мы ни являлись в присутствие Божие, будь то в таинствах или в молитве, мы делаем/совершаем нечто очень опасное, потому что, по слову Писания, Бог есть огонь. И если только мы не готовы без остатка предаться божественному пламени и стать горящей в пустыне купиной, которая горела, не сгорая, это пламя опалит нас, потому что опыт молитвы можно познать лишь изнутри и шутить с ним нельзя.

Приближение к Богу всегда бывает открытием и красоты Божией, и расстояния, которое лежит между Ним и нами. «Расстояние» — слово неточное, ибо оно не определяется тем, что Бог свят, а мы грешны. Расстояние определяется отношением грешника к Богу. Мы можем приближаться к Богу, только если делаем это с сознанием, что приходим на суд. Если мы

приходим, осудив себя; если мы приходим, потому что любим Его, несмотря на нашу собственную неверность; если мы приходим к Нему, любя Его больше, чем благополучие, в котором Его нет, тогда мы для Него открыты и Он открыт для нас, и расстояния нет; Господь приходит совсем близко, в любви и сострадании. Но если мы стоим перед Богом в броне своей гордости, своей самоуверенности, если мы стоим перед Ним так, как будто имеем на это право, если мы стоим и требует от Него ответа, то расстояние, отделяющее творение от Творца, становится бесконечным. Английский писатель К. С. Льюис² высказывает мысль, что в этом смысле расстояние относительно: когда Денница предстал перед Богом, вопрошая Его, — в тот самый миг, когда он задал свой вопрос не для того, чтобы в смирении понять, но чтобы принудить Бога к ответу, он оказался на бесконечном расстоянии от Бога. Бог не двинулся, не двинулся и сатана, но и без всякого движения они оказались бесконечно отдалены друг от друга.

Когда бы мы ни приближались к Богу, контраст между тем, что есть Он и что

² C. S. Lewis. *Screwtape Letters*. Letter XIX. Рус. пер. см. в: К. С. Льюис. *Любовь. Страдание. Надежда*. М.: Республика. 1992.

представляем собой мы, становится ужасающе ясным. Мы можем не сознавать этого все то время, что живем как бы вдали от Бога, все то время, когда Его присутствие и Его образ остаются тусклыми в наших мыслях и в нашем восприятии; но чем больше мы приближаемся к Богу, тем острее выступает контраст. Не постоянная мысль о своих грехах, а видение святости Божией позволяет святым познать свою греховность. Когда мы смотрим на себя без благоуханного фона Божия присутствия, грехи и добродетели кажутся чем-то мелким и, в каком-то смысле, несущественным; только на фоне Божественного присутствия они выступают со всей рельефностью и обретают всю свою глубину и трагичность.

Всякий раз, когда мы приближаемся к Богу, мы оказываемся перед лицом либо жизни, либо смерти. Эта встреча — жизнь, если мы приходим к Нему в надлежащем духе и обновляемся Им; это гибель, если мы приближаемся к Нему без благоговейного духа и сокрушенного сердца; гибель, если мы приносим гордость или самонадеянность. Поэтому перед тем как отправиться в так называемое «захватывающее путешествие молитвы», нельзя ни на минуту забывать, что не может случиться ничего более значительного, более в трепет повергающего, чем встреча с Богом, на которую мы вышли. Мы

должны сознавать, что в этом процессе потеряем жизнь: ветхий Адам в нас должен умереть. Мы крепко держимся за ветхого человека, боимся за него, и так трудно не только в начале пути, но и годы спустя, почувствовать, что мы полностью на стороне Христа, против ветхого Адама!

Молитва — это путешествие, которое приносит не волнующие переживания, а новую ответственность. Пока мы пребываем в неведении, ничего не спрашивается с нас, но как только мы что-то узнали, мы отвечаем за то, как употребляем свое знание. Пусть оно дано нам в дар, но мы ответственны за каждую частицу истины, нами признанную, и как только она становится нашей собственной, мы не можем оставлять ее бездействующей, но должны проявлять ее в своем поведении. И в этом смысле от нас требуется ответ за всякую истину, нами понятую.

Только с чувством страха, богопочитания, глубочайшего благоговения можем мы приступить к риску молитвенного делания, и мы должны дорасти до него в своей внешней жизни как можно более полно и определенно. Недостаточно, устроившись удобно в кресле, сказать: «Вот, я приступаю к богопоклонению, перед лицом Божиим». Мы должны понять, что если бы Христос стоял перед нами, мы держали бы себя иначе, и должны научиться держаться в присутствии невидимого

Господа, как держались бы в присутствии Господа, ставшего для нас видимым.

Прежде всего это предполагает определенное состояние ума, которое отражается и на состоянии тела. Если бы Христос был здесь, перед нами, и мы стояли совершенно прозрачными, умом и телом, для Его взгляда, то мы испытывали бы благоговение, страх Божий, любовь, может быть, даже ужас, но не держали бы себя так вольно, как делаем это обычно. Современный мир в большой мере утратил молитвенный дух, и дисциплина тела стала в представлении людей чем-то второстепенным, тогда как она далеко не второстепенна. Мы забываем, что мы — не душа, обитающая в теле, а человек состоящий из тела и души, и что, по апостолу Павлу, мы призваны прославлять Бога и в телах наших и в душах наших; наши тела, как и нашу души, призваны к славе Царствия Божия (1 Кор. 6: 20).

Слишком часто молитва не имеет для нас в жизни такого значения, чтобы все остальное отходило в сторону, уступая ей место. Молитва у нас — добавление ко множеству других вещей; мы хотим, чтобы Бог был здесь не потому, что нет жизни без Него, не потому, что Он — высшая ценность, но потому, что было бы так приятно вдобавок ко всем великим благодеяниям Божиим иметь еще и Его присутствие. Он — добавление к

нашему комфорту. И когда мы ищем Его в такой настроенности, то не встречаем Его.

Однако, несмотря на все сказанное, молитва, как она ни опасна, все же лучший путь для того, чтобы идти вперед, к исполнению нашего призвания, и стать до конца человеческими, то есть войти в полное единение с Богом и сделаться в конце концов тем, что апостол Петр называет *причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1: 4).

Любовь и дружба не возрастают, если мы не готовы жертвовать ради них многим; и точно так же мы должны быть готовы отрешиться от многого для того, чтобы первое место отдать Богу.

Возлюбиши Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всею крепостию твою, и всем помышлением твоим (Лк. 10: 27).

Это как будто очень простая заповедь, и, однако, в этих словах содержания гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Все мы знаем, что значит любить кого-нибудь всем сердцем. Мы знаем, как радостно не только встретиться с любимым, но даже только подумать о нем, какую это дает отраду. Именно так нам надо стараться любить Бога, и каждый раз, когда упоминается Его имя, оно должно наполнять наше сердце и душу бесконечным теплом. Бог всегда должен быть в нашем уме, тогда как на самом деле мы думаем о Нем лишь от случая к случаю.

Что же до того, чтобы любить Бога всей нашей крепостью, то это возможно нам, только если сознательным намерением мы отторгаем от себя все, что в нас не Божие; усилием воли мы должны постоянно обращать себя к Богу — и когда мы молимся (тогда это легче, потому что в молитве мы уже сосредоточены на Боге), и когда что-нибудь делаем (что требует тренировки, ибо в этом случае мы сосредоточены на каком-то материальном достижении, которое должны посвящать Богу особым усилием).

Волхвы проделали долгий путь, и никто не знает, какие трудности им пришлось преодолеть. Каждый из нас так же путешествует, как и они. Они несли дары: золото для Царя, ладан для Бога и смирну для человека, которому предстояло претерпеть смерть. Где нам взять золото, ладан и смирну, — нам, которые за все должны Богу? Мы знаем, что все, что имеем, дано нам Богом и даже не является нашим навсегда или надежно. Все может быть отнято у нас, кроме любви, и это делает любовь тем единственным, что мы можем давать. Все остальное — члены нашего тела, разум, имущество — можно отнять у нас силой; но любовь — нет средства добиться ее от нас, если только мы сами не дадим ее. В отношении нашей любви мы столь же вольны, сколь не вольны ни в одном из прочих проявлений нашей души или тела. И хотя в

основе даже и любовь — дар Божий, потому что мы не можем сами вызвать ее в себе, однако, когда имеем ее, это единственное, в чем мы можем отказать или что можем дать. В «Дневнике сельского священника» Ж. Бернанос говорит, что мы можем отдать Богу и свою гордость: «Отдай свою гордость вместе со всем остальным, отдай все». Гордость, отданная таким образом, превращается в дар любви, а всякий дар любви приятен Богу.

Любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас (Мф. 5: 44) — заповедь, выполнение которой может быть для нас более или менее легким; но простить людям, причиняющим страдания тому, кого мы любим, — дело совсем иное. Тут может показаться, что ты словно бы совершаешь предательство. И однако, чем больше наша любовь к тому, кто страдает, тем более мы способны разделить страдание и простить, и в этом смысле наибольшая любовь достигнута тогда, когда мы вместе с рабби Егел Микаэлем можем сказать: «I am my beloved», «Я и мой любимый — одно». Пока мы говорим «я» и «он», мы не разделяем страдания и не можем принять его. У подножия Креста Матерь Божия стояла не в слезах, как часто изображается в западной живописи; Она достигла такой полноты единения со Своим Сыном, что Ей нечему было противиться. Она проходила через

распятие вместе со Христом; Она переживала собственную смерть. Мать завершала то, что начала в день принесения Христа во храм, когда Она отдала Своего Сына. Один из всех сынов Израилевых, Он был принят как кровавая жертва. И Она, принеся Его тогда, принимала последствия совершенного Ею обряда, ставшего действительностью. И как Он тогда был един с Ней, так теперь Она была полностью едина с Ним, и Ей нечему было противиться.

Любовью мы становимся едины с тем, кого любим, и любовь позволяет нам разделять без остатка не только страдание, но и отношение к страданию и к тем, кто его причиняет. Невозможно представить себе Божию Матерь или ученика Иоанна протестующими против того, что было явной волей распинаемого Сына Божия. *Никто не отнимает жизни Моей у Меня, но Я Сам отдаю ее* (Ин. 10: 18). Он умирал добровольно, по Своему согласию, за спасение мира; смерть Его была этим спасением, и поэтому те, кто верил в Него и хотел быть единым с Ним, могли разделять страдание Его смерти, могли проходить через страсти вместе с Ним, но не могли их отвергнуть, не могли обратиться против толпы, распявшей Христа, потому что это распятие было волей Самого Христа.

Мы можем противиться чьему-то страданию, можем восставать против чьей-нибудь смерти или тогда, когда человек сам, будь это правильно или нет, противится им, или же когда мы не разделяем его намерений и его отношения к страданию; но в таком случае любовь наша к этому человеку — любовь недостаточная и создает разделение. Это такая любовь, какую проявил Петр, когда Христос по дороге в Иерусалим сказал Своим ученикам, что идет на смерть. Петр, *отозвав Его, начал прекословить Ему*, но Христос ответил: *Отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мк. 8: 32). Мы можем представить себе, что жена разбойника, распятого слева от Христа, была полна того же протеста против смерти своего мужа, как и он сам; в этом смысле они были вполне едины, но и оба не правы.

Разделять же со Христом Его страдание, распятие, смерть — значит принять безоговорочно все эти события в той же настроенности, как и Он, то есть принять их добровольно, страдать вместе с Мужем скорбей, пребывать здесь в безмолвии, — безмолвии Самого Христа, нарушенном лишь немногими решающими словами, в безмолвии истинного общения; не в жалостливом молчании, но в безмолвии сострадания, которое делает нас способными вырасти в полное единство с другим

так, что уже нет одного и другого, но одна жизнь и одна смерть.

На протяжении истории люди неоднократно были свидетелями преследований и не боялись, но разделяли страдания, не протестуя: например, София — мать, стоявшая рядом с каждой из своих дочерей, Верой, Надеждой и Любовью, вдохновляя их на смерть, или многие другие мученики, которые помогали друг другу, но никогда не обращались против мучителей. Дух мученичества можно показать на целом ряде примеров. В первом примере выражен самый дух мученичества, его установка: дух любви, которой не может сломить страдание или несправедливость. Священника, попавшего в заключение совсем молодым и вышедшего на свободу разбитый человеком, спросили, что осталось от него, и он ответил: «Ничего не осталось от меня, они вытравили буквально все, осталась только любовь». Такие слова свидетельствуют о правильной установке говорящего, и всякий, кто разделяет с ним его трагедию, должен разделить и его непоколебимую любовь.

А вот пример человека, который вернулся из Бухенвальда, и когда его спросили о нем самом, сказал, что его страдания ничто по сравнению с сокрушением о несчастных немецких юношах, которые могли быть так жестоки, и что он не

находит покоя, думая о состоянии их душ. Его забота была не о себе (а он провел там четыре года) и не о бесчисленных людях, страдавших и умиравших вокруг, а о мучителях. Те, кто страдал, были со Христом; те, кто проявлял жестокость — нет.

Третий пример — молитва, написанная в концентрационном лагере заключенным-евреем:

Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию... Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников...

Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости. Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли — мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты предельной слабости... Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов,

как выкуп, ради торжества праведности, прими во внимание добро, а не зло!

И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего большего мы не хотим от них. А когда все это кончится, даруй нам жить как людям среди людей, и да возвратится на нашу исстрадавшуюся землю мир — мир людям доброй воли и всем остальным...

Один русский епископ говорил, что для христианина умереть мучеником — это особое преимущество, потому что никто, кроме мученика, не сможет на Страшном суде стать перед лицом Божиего Престола судного и сказать: «По слову Твоему и примеру я простил; Тебе нечего больше взыскать с них». Это означает, что тот, кто претерпел мученичество во Христе, чья любовь не поколебалась в страдании, тот обретает безусловную власть прощения над теми, кто причинял страдания. Это применимо и на гораздо более обыденном уровне, на уровне повседневной жизни; всякий, кто терпит малейшую несправедливость со стороны другого, может простить или отказать в прощении. Но это обоюдоострый меч; если мы не прощаем, то и сами не получим прощения.

Французские римокатолики, с их острым чувством справедливости и славы Божией, ясно сознают, какую победу может одержать Христос через страдания людей: с 1797 года существует Орден Искупления, который в непрестанном поклонении Святым Дарам молит о прощении преступлений всей земли и прощении отдельных грешников по молитвам их жертв. Орден ставит перед собой также цель воспитывать в детях и взрослых дух любви.

Характерен также рассказ о французском генерале Морисе д'Эльбе периода революционных войн. Его солдаты схватили несколько «синих» и собирались расстрелять; генерал вынужден был уступить, но настоял, чтобы солдаты сначала прочитали вслух Молитву Господню, что они и сделали; и когда дошло до слов *И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим*, то поняли, заплакали и отпустили пленников. Позднее, в 1794 году, генерал д'Эльбе сам был расстрелян «синими».

Французский иезуит Жан Даниелу в своей книге «Святые язычники» пишет, что страдание — связующее звено между праведниками и грешниками: праведниками, терпящими страдания, и грешниками, причиняющими их. Не будь этого звена, они были бы совершенно разобщены; праведники и грешники оставались бы на

параллельных линиях, которые никогда не пересекаются, и не могли бы встретиться. В таком случае праведники не имели бы власти над грешниками, потому что невозможно иметь отношения с тем, кого не встречаешь.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Молитва Господня, хотя она так проста и употребляется так часто, — большая проблема и трудная молитва. Это единственная молитва, которую дал Господь. В каком-то смысле это не только молитва, но и путь жизни, изложенный в форме молитвы: это образ постепенного восхождения души от рабства к свободе. Молитва построена с поражающей точностью. Подобно тому, как круги, расходящиеся от падения камешка на поверхности пруда, можно наблюдать все дальше и дальше до берегов, или в обратном направлении — от берегов к источнику движения, так же и Молитву Господню можно разбирать, начиная либо с первых слов, либо с последних. Несравненно легче начинать, идя снаружи к центру, хотя для Христа и Церкви правилен другой путь.

Это молитва сыновства — *Отче наш*. И хотя в известном смысле ее может произносить всякий, кто приближается к Господу, вполне точно она выражает отношение только тех, кто находится в

Церкви Божией, кто во Христе нашел путь к своему Отцу, потому что только через Христа и в Нем мы становимся сынами Божиими.

Это научение духовной жизни можно лучше понять, если рассматривать его параллельно с рассказом об Исходе и в контексте Заповедей блаженства. Когда мы начинаем с последних слов молитвы и идем к первым, то видим, что это путь восхождения: наша исходная точка — в конце молитвы — определяет состояние пленения; вершина восхождения — первые слова молитвы — определяет наше состояние сыновства.

Народ Божий, пришедший в землю Египетскую свободным, постепенно впал в состояние рабства. Условия его жизни непрестанно напоминали ему о его порабощении: работа становилась все тяжелее и тяжелее, положение — все более нищенским; но этого было недостаточно, чтобы заставить евреев устремиться к подлинной свободе. Если бедственное состояние переходит какие-то пределы, оно может повести к бунту, к насилию, к попытке избавиться от тяжкого, невыносимого положения; но, по существу, ни восстание, ни бегство не делают нас свободными, потому что свобода есть прежде всего состояние внутреннее по отношению к Богу, к самому себе и к окружающему миру.

Каждый раз, когда евреи пытались покинуть страну, на них налагали новые и все более тяжкие работы. Когда надо было делать кирпичи, им отказывали в необходимой для этого соломе, и фараон говорил: «Пусть они сами ходят и собирают себе солому» (Исх. 5:7). Он хотел, чтобы они дошли до такого истощения, так были задавлены своим тяжким трудом, что мысль о бунте или избавлении не приходила бы им больше в голову. Точно так же и для нас нет надежды, пока мы поработаны князем мира сего, диаволом, со всеми силами, которыми он располагает для пленения человеческих душ и тел, чтобы удерживать их вдали от Живого Бога. Если только Бог Сам не придет освободить нас, освобождения не будет, но будет вечное рабство; и первые слова, которые мы находим в Молитве Господней, как раз об этом: *Избавь нас от лукавого*. Избавление от лукавого — это именно то, что было сделано в земле Египетской чрез Моисея и что совершается в крещении силой Божией, данной Его Церкви. Слово Божие звучит в этом мире, призывая всех к свободе, подавая надежду, сходящую с небес, тем, кто потерял надежду на земле. Это слово Божие проповедуется и встречает отклик в человеческой душе, делая человека учеником Церкви: он стоит у входных дверей, словно тот, кто услышал зов и подошел послушать (Рим. 10: 17).

Когда ученик решается стать свободным человеком в Царствии Господнем, Церковь совершает определенные действия. Что пользы спрашивать у раба, все еще остающегося во власти своего господина, хочет ли он стать свободным? Он знает, что если осмелится просить о предлагаемой свободе, то будет жестоко наказан, как только останется снова наедине со своим господином. От страха и привычки к рабству человек не может просить о свободе, пока не будет освобожден от власти дьявола. Поэтому прежде чем спрашивать что-либо у того, кто стоит здесь с новой надеждой на божественное спасение, его освобождают от власти сатаны. В этом смысл закликательных молитв, которые читаются в начале чина крещения как в Православной, так и в Римско-католической Церквах. Только когда человек стал свободным от уз рабства, его спрашивают, отрекается ли он от дьявола и хочет ли соединиться со Христом. И лишь после свободного ответа Церковь принимает его, делает членом Тела Христова. Дьявол хочет рабов, а Бог хочет свободных людей, воля которых была бы согласна с Его волей. В терминологии Исхода «лукавым» был Египет, фараон и все, связанное с ними, а именно — пропитание и сохранение жизни при условии рабской покорности. И для нас акт молитвы, являющийся более существенным, более окончательным актом

восстания против рабства, чем вооруженный бунт, есть в то же время как бы восстановление чувства ответственности перед Богом и родства с Ним.

Итак, первое положение, с которого начинается Исход — и начинаем мы, — это осознание своего рабства и того, что невозможно покончить с ним путем бунта или бегства, ибо бежим мы или восстаем, мы продолжаем оставаться рабами, если только не изменим всего своего отношения к Богу и ко всем обстоятельствам жизни, так, как нас тому учит первая заповедь блаженства: *Блаженни нищие духом, яко тех есть Царство Небесное.* Само по себе нищенство, состояние рабства не есть пропуск в Царство Небесное; раба можно лишить не только земных благ, но и благ небесных; такое нищенство может быть более удручающим, чем простое лишение того, в чем мы нуждаемся для земной жизни. Святой Иоанн Златоустый говорит, что беден не так тот, у кого ничего нет, как тот, кто хочет того, чего не имеет.

Бедность коренится не в том, насколько мы жаждем иметь то, чего получить не можем. Думая о нашем человеческом существовании, мы легко можем убедиться, что мы крайне бедны и обездолены, ибо что бы мы ни имели — это никогда не наше, как бы богаты мы ни казались. Когда мы стараемся ухватиться за что-либо, то

очень скоро убеждаемся, что не можем этого удержать. Наша жизнь не коренится ни в чем, кроме державного творческого слова Божия, вызвавшего нас из полного, радикального отсутствия в Его присутствие. Не в нашей власти удержать нашу жизнь и здоровье или хотя бы психосоматические свойства: достаточно разорваться в голове мельчайшему сосуду, чтобы человек великого ума превратился в слабоумного старика. В области наших чувств, по разным причинам, которые мы в состоянии или не в состоянии объяснить, например, от гриппа или усталости, мы не можем в нужную минуту испытать к другому человеку то сочувствие, которое так хотели бы найти в себе; или же мы идем в церковь — и чувствуем себя каменными. Это нищета в чистом виде, но делает ли она нас детьми Царствия? Нет, потому что с горечью видя в каждое мгновение жизни, что все ускользает от нас, замечая только, что ничем не обладаем, мы от того не делаемся радостными детьми Царствия Божией любви, но остаемся жалкими жертвами обстоятельств, над которыми мы не властны и которые ненавидим.

Это возвращает нас к словам *нищие духом*. Нищета, открывающая Царство Небесное, заключается в знании, что если ничто из моего по-настоящему мне не принадлежит, значит все, что

у меня есть — это дар любви, Божией или человеческой любви, и тогда все совершенно меняется. Если мы сознаем, что мы не самобытны и все же существуем, то можем сказать, что здесь проявляется непрестающее действие Божией любви. Если мы видим, что никакими усилиями не можем сделать своей собственностью то, чем мы только обладаем, значит все — Божия любовь, конкретно являемая в каждом мгновении; и тогда бедность становится источником совершенной радости, потому что все, что мы имеем, есть доказательство любви. Мы никогда не должны стремиться к присваиванию, потому что называть что-либо «своим», а не неизменным даром Божиим, будет лишением, а не приобретением. Если это мое, оно чуждо отношениям взаимной любви; если это — Божие, и я обладаю этим изо дня в день, из мгновения к мгновению, это непрестанно обновляющийся акт Божественной любви. И тогда мы приходим к радостной мысли: «Благодарение Богу, это не мое; будь оно моим, это было бы обладанием, но, увы, без любви». Строй отношений, к которому эта мысль приводит нас, и есть то, что Евангелие называет Царством Божиим. Лишь те принадлежат к Царству, кто имеет все от Царя во взаимоотношениях любви и кто не стремится быть богатым, потому что быть богатым значит быть лишенным любви и

находиться во власти вещей. Как только мы открываем Бога в этой перспективе, обнаруживаем, что все Божие и все от Бога, мы начинаем входить в Божественное Царство и обретать свободу.

Лишь когда евреи, под руководством Моисея и просвещаемые им, осознали, что их состояние рабства имеет какое-то отношение к Богу, а не является просто человеческим делом, когда они обратились к Богу, когда они возвратились к отношениям Царства, что-то смогло измениться; и это верно в отношении всех нас, так как только когда мы осознаем, что мы — рабы обездоленные, но осознаем также, что это происходит по Божественной премудрости и что все во власти Божией, мы можем повернуться к Богу и сказать: *Избавь нас от лукавого.*

Как Моисей призвал евреев покинуть Египет, последовать за ним в темноте ночи, перейти Красное море, так и каждый отдельный человек попадает в пустыню, где начинается новый этап. Он свободен, но еще не вошел в славу Земли обетованной, потому что из Египта он вынес с собой душу раба, привычки раба, искушения раба. А для воспитания свободного человека требуется несравненно больше времени, чем для осознания своего рабского положения. Дух рабский еще так привычен, его нормы продолжают существовать и сохраняют свою огромную власть: рабу есть где

преклонить главу, раб обеспечен пищей, у раба есть общественное — хотя и низкое — положение, он под защитой, потому что за его существование отвечает хозяин. Быть рабом, как это ни тяжело, унижительно и горестно, — все же какая-то форма защищенности, тогда как состояние свободного человека — состояние предельной незащищенности; мы берем свою судьбу в свои собственные руки, и только когда наша свобода коренится в Боге, мы обретаем иную защищенность, уверенность совершенно иного порядке.

Это чувство незащищенности, неуверенности показано в Книге Царств, в рассказе о том, как евреи просили Самуила дать им царя. На протяжении веков их вел Бог, то есть люди, которые в своей святости знали пути Божии; как говорит Амос (3: 7), пророк — это тот, с кем Бог делится Своими помыслами. И вот, во времена Самуила евреи увидели, что быть лишь под Божиим водительством означает в земном смысле полную ненадежность, потому что тогда все зависит от святости, от самоотречения, от нравственных свойств, которые трудно приобрести; и они обратились к Самуилу с просьбой дать им царя, потому что «мы хотим быть, как прочие народы», хотим той же надежности, какая есть у прочих народов.

Самуил не хочет соглашаться, он видит, что это отступничество, но Бог говорит ему: *Послушай голоса народа... ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними* (1 Цар. 8: 7). Затем следует целая картина того, чем будет их жизнь: *Вот какие будут права у царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его... И дочерей ваших он возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы... Но народ не согласился послушать голоса Самуила и сказал: нет, пусть царь будет над нами* (1 Цар. 8: 11–19). Они хотят купить внешнее благополучие ценой свободы. Но не этого хочет для нас Бог. Здесь происходит как раз обратное событиям Исхода: Божия воля в том, чтобы защищенность рабов была оставлена и заменена незащищенностью свободных людей в становлении. Это трудно, потому что пока мы в становлении, мы еще не умеем быть свободными и не хотим больше быть рабами. Вспомните, что происходило с евреями в пустыне, как часто они жалели о времени, когда были в Египте — рабами, но накормленными. Как часто они плакались, что теперь у них нет крова, нет пищи, что зависят они только от Божией воли, на которую они еще не научились полагаться полностью: потому что Бог

подает нам благодать, но становиться новой тварью предоставляет нам самим.

Как и евреи в Египте, мы прожили всю свою жизнь рабами; своей душой, своей волей, всем существом своим мы еще не стали подлинно свободными людьми: предоставленные собственным силам, мы можем впасть в искушение. И эти слова — *Не введи нас во искушение*, не подвергай нас суровому испытанию — должны напоминать нам о сорока годах, которые понадобились евреям на то, чтобы пересечь небольшое пространство, лежащее между землей Египетской и Землей обетованной. Они шли так долго потому, что каждый раз, как они отворачивались от Бога, путь их поворачивал вспять от Земли обетованной. Единственный путь, которым мы можем достичь Земли обетованной, это идти по следам Господа. Как только наше сердце обращается назад, к земле Египетской, мы возвращаемся по своим следам, сбиваемся с пути. Мы все были освобождены милостью Божией, все мы стоим на должном пути, но кто скажет, что он не возвращается беспрестанно по своим следам или не сворачивает с правильного пути? *Не введи нас во искушение*, не дай нам снова впасть в состояние рабства.

Как только мы осознали свое порабощение и от простых сетований, чувства бедственности

пришли к чувству сокрушения сердечного и нищеты духа, наше пленение в земле Египетской получает ответ в словах следующих Заповедей блаженства: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся; Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.* Этот плач, порождаемый тем, что мы открыли Царствие, открыли свою ответственность, трагедию своего рабского состояния, — плач более горький, чем тот, какой является уделом простого раба. Раб плачет о внешних обстоятельствах; тот же плачущий, которого Бог называет блаженным, не жалуется, — он сокрушается сердцем и сознает, что его внешнее рабство есть выражение чего-то гораздо более трагического: его внутреннего порабощения, его отлучения от близости Божией. И избавиться от этого положения нет никакой возможности, пока не достигнута кротость.

«Кротость» — трудное слово, приобретшее целый ряд оттенков. Поскольку она крайне редко встречается в жизни, мы не можем обратиться к собственному опыту и, вспомнив известных нам кротких людей, найти ключ к пониманию этого слова. В английском переводе Дж. Б. Филлипса мы находим: «Блаженны те, кто не стремится обладать». С момента, как мы перестали стремиться к обладанию, мы становимся свободными, потому что, чем бы мы ни обладали, мы находимся во